

• ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ •

Оглавление

Введение	7	273	<i>прим.</i>
Часть I. Политические идеи и языки			
Глава 1. Первое «Философическое письмо» и проблема исторических контекстов	22	273	
Глава 2. Между Францией и Россией: особенности идеологического трансфера	38	279	
Глава 3. Первое «Философическое письмо» и язык официального национализма	57	284	
Глава 4. «Антиквары», «философы» и правила идеологической игры в 1830-е гг.	77	295	
Глава 5. Надеждин, католицизм и непреднамеренные последствия политических жестов	109	303	
Глава 6. <i>Интермеццо</i> . Чаадаев и Надеждин: социальные стратегии интеллектуалов в России первой половины XIX в.	131	312	
Часть II. Идеология и институты власти			
Глава 7. Политическая дерзость или умственная болезнь? Микроконтекст принятия императорского решения	162	325	
Глава 8. Безумие, закон и неопатримониальные практики правоприменения в России	178	334	
Глава 9. Историософия, борьба ведомств и государственная идеология в 1836 г.	197	341	
Глава 10. Чаадаевское дело, соперничество вельмож и придворно-бюрократическая монархия	215	349	
Глава 11. <i>Post scriptum</i> . Политика и частная жизнь: первое «Философическое письмо» и матримониальная стратегия Надеждина	230	363	
Послесловие	251		
Приложение. П.Я. Чаадаев. Первое «Философическое письмо»	253	373	
Примечания	273		
Указатель имен	374		

Введение

I

Первое «Философическое письмо» Чаадаева — один из самых известных и цитируемых текстов русской интеллектуальной истории XIX в., по значению сопоставимый с классическими произведениями Пушкина, Достоевского или Толстого. Опубликовано в 1836 г., письмо задало магистральное направление дискуссий о русской идентичности, актуальное до сегодняшнего дня. Чаадаев ввел в политический обиход точку зрения, согласно которой особый путь развития России — это не прогрессивное движение к лучшему будущему, а бессмысленное и трагическое блуждание по одному и тому же маршруту, бесконечное повторение прежних ошибок, которое становится частью генетического кода. Чаадаев сделал явной одну из глубинных черт мифологизированного национального характера — интенсивное переживание собственного негативного избранничества, при котором комплекс неполноценности с легкостью превращается в ощущение исключительности¹. Дистанция между утверждениями «мы хуже всех» и «мы лучше всех» невелика. Именно Чаадаев последовательно сформулировал оба аргумента, сделав шаг от одного тезиса к другому: в 1836 г. он напечатал первое «Философическое письмо», где писал, что у России нет надежды на выход из исторического тупика, а уже в 1837 г. создал «Апологию безумного», в которой отсутствие прошлого и пустота настоящего объявлялись залогом неизбежного расцвета молодой русской нации в будущем.

В итоге христианский утопист Чаадаев приобрел славу отца-основателя двух противоположных течений мысли — западничества и славянофильства. С одной стороны, к его текстам восходит критическая концепция патриотизма,

суть которой философ М. Мамардашвили позже заключил в лаконичную формулу «истина дороже родины». Беспощадная критика «своего» и предпочтение «чужого» стали неотъемлемыми атрибутами гражданской риторики западнического типа². С другой стороны, приверженность Чаадаева идее грядущего величия России вознесла его во главу пантеона ревнителей «русской духовности». Фигура Чаадаева способна воплощать чисто консервативные ценности: например, писатель З. Прилепин считает автора первого «Философического письма» «руссофилом», врагом либерализма и прямым предшественником Достоевского³. В значительной степени современная репутация Чаадаева основана на отказе от исторического анализа созданных им трудов. Он живет вне времени, беседуя с Розановым, Мережковским или Бердяевым, не говоря уже о бесконечных воображаемых диалогах, в которые вступают с ним сегодняшние исследователи-философы. Мы предлагаем посмотреть на Чаадаева иначе — не как на условную фигуру, носителя застывшей навсегда системы ценностей, а как на человека в истории, реагировавшего на происходившие вокруг него события, погруженного в социальную реальность, строившего планы и совершавшего поступки, результат которых был фундаментально непредсказуем.

II

Эта книга основана на многолетних архивных разысканиях вокруг появления первого «Философического письма» на страницах «Телескопа» (1836), во время которых нам удалось обнаружить большое количество неизвестных прежде материалов. Ход расследования по чаадаевскому делу и хронике общественной реакции на знаменитую статью, при всех существующих лакунах, следует считать относительно хорошо задокументированными. Это обстоятельство позволяет, с одной стороны, рассмотреть ключевой эпизод русской интеллектуальной истории через увеличительное стекло, увидеть, как именно развивались события на микроуровне, а с другой — использовать процесс против

издателя и автора письма в качестве призмы, взгляд сквозь которую дает возможность различить внутреннюю логику более глобальных процессов: формирования политической системы и механизма принятия значимых правительственных решений в Российской империи, складывания практик правоприменения, кристаллизации структуры идеологической сферы и новых форм публичной полемики о политике, власти и истории.

Апелляция к микроисторическим исследованиям неслучайна: итальянская микроистория начиналась с интерпретации инквизиционных процессов. К. Гинзбург, изучавший делопроизводство борющихся с еретиками институтов католической церкви, отмечает, что работа с архивными материалами сделала возможным «приближенный анализ узкого круга документов, связанных с одним-единственным индивидом»⁴. В частности, «насыщенное описание» микроконтекста служило важной цели — оно соединяло масштабные культурные и социальные тенденции с повседневной жизнью конкретного человека и с его мировоззрением. Исследование отдельных «кейсов» позволяло скорректировать представления о парадигматичных исторических феноменах. Особой значимостью обладали уникальные случаи отклонения от правила, которые свидетельствовали о норме куда лучше самой нормы, реконструируемой историками на основе анализа большого числа серийных источников. В определенном смысле увидеть «нормальное» можно лишь в тот момент, когда оно перестает быть таковым. Итальянские микроисторики (Гинзбург, Э. Гренди, Дж. Леви, С. Черутти) считают, что «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению»⁵. «Приближенное» описание одного из самых резонансных (и парадигматически аномальных) политических скандалов XIX в. в России — чаадаевского дела — предлагается в настоящей книге.

Впрочем, как замечает сам Гинзбург⁶, наиболее сложной задачей микроисторического исследования служит

соотнесение микро- и макроуровней анализа. Уникальный случай сам по себе еще ни о чем не сигнализирует: для того чтобы он сообщил нам нечто о глобальных процессах, необходимо поместить его в определенный контекст, сопоставить с другими примерами, удачный или неловкий выбор которых сделает работу историка более или менее убедительной. Мы следуем стратегии отбора источников, которую можно назвать микроисторицистской: нас будет интересовать ближний, а не дальний контекст, т.е. события и тексты, актуальные для читателей первого «Философического письма» в 1836 г. Сделать реакции и поступки участников и непосредственных свидетелей скандала понятными — задача тем более сложная, что репутация Чаадаева и его трудов за два века обросла немислимим количеством мифов (Чаадаев как оппозиционер и революционер, как славянофил и западник, как жертва жестоких репрессий и карательной медицины, как оригинальный философ, провидевший будущее, и т.д.). Уйти от клише и стереотипов, оградить чаадаевскую историю — еще одна цель этой книги. Ее герои имели дело с проблемами, хорошо знакомыми сегодня, однако они отвечали на возникавшие вызовы в другом контексте и с помощью иных интеллектуальных ресурсов. Предпочтение реконструкции исторических валентностей текста его прямолинейному прочтению в современных обстоятельствах лишь на первый взгляд кажется бегством от реальности: рефлексия над дистанцией между прошлым и настоящим позволяет нам не только лучше осмыслить содержание первого «Философического письма», но и осознать особенность текущего момента, иными словами — найти свое место в истории, которая, как прекрасно известно, никогда не повторяется.

III

Прежде чем перейти к анализу текстов и реконструкции контекстов следует кратко рассказать об известных на данный момент деталях чаадаевского дела⁷. Чаадаев написал первое «Философическое письмо» на французском языке

в 1829 г.: как свидетельствует помета на рукописи, работа над сочинением была закончена 1 декабря этого года в Москве. Первое письмо, а также созданные в 1829–1831 гг. еще семь статей цикла адресовались Екатерине Пановой, сестре поэтессы Елизаветы Улыбышевой и музыкального критика Александра Улыбышева, жене писателя и агронома Василия Панова. Знакомство Чаадаева с Пановой состоялось в конце 1826 г., когда, вернувшись в Россию из Европы, он находился в подмосковном имении своей тетки А.М. Щербатовой Алексеевское, недалеко от которого жили Пановы. Между соседями завязались дружеские отношения, которые затем переросли в своего рода духовное наставничество со стороны Чаадаева. В конце 1820-х гг. они стали обмениваться письмами, в которых Чаадаев изложил собеседнице основные принципы усвоенного им религиозного взгляда на мир. С начала 1830-х гг. «Философические письма» стали распространяться автором в рукописных копиях.

В 1836 г. аудитория читателей первого письма резко расширилась. Летом этого года Чаадаев встретил в московском Английском клубе Николая Надеждина, критика, публициста, издателя журнала «Телескоп» и газеты «Молва»⁸, в прошлом — университетского профессора. Они условились о публикации статьи, русскоязычную версию которой Чаадаев вскоре доставил Надеждину. До сих пор точно не выяснено, кто именно перевел первое «Философическое письмо». Не исключено, что переводчиков могло быть несколько: первоначально над переводом работал Александр Норов, молодой приятель Чаадаева, затем текст по просьбе издателя отредактировал известный московский литератор Николай Кетчер, а потом свои изменения внес уже сам Надеждин⁹.

Первое «Философическое письмо» было разрешено к печати 29 сентября 1836 г. в составе 15-го номера «Телескопа» за текущий год. Цензурировал статью Алексей Болдырев, знаменитый ученый-востоковед, профессор и ректор Московского университета, в доме которого некоторое время прожил Надеждин. В старой столице после начала репрессий стала циркулировать версия о том, что издатель нагло обманул доверчивого цензора. По свидетельству ряда

мемуаристов, Болдырев ознакомился с произведением Чаадаева во время карточной игры, причем Надеждин, читая вслух разбираемое сочинение, намеренно исключил из него самые неблагонадежные фрагменты. Впрочем, показания Надеждина и Болдырева, данные затем в Петербурге, а также сохранившиеся цензурные копии текста позволяют с уверенностью говорить, что цензор имел возможность внимательно прочитать статью и пропустил первое «Философическое письмо» вполне осознанно¹⁰.

3 октября 1836 г. московские книжные лавки начали распространять 15-й номер «Телескопа», поступивший из типографии Семена Селивановского, которой к тому моменту управлял уже его сын Николай. Номер открывался анонимной статьей под названием «Философические письма к г-же***». Письмо первое», которую издатель снабдил следующим комплиментарным примечанием:

Письма эти писаны одним из наших соотечественников. Ряд их составляет целое, проникнутое одним духом, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядов, строгая последовательность выводов и энергическая искренность выражения дают им особенное право на внимание мыслящих читателей. В подлиннике они писаны на французском языке. Предлагаемый перевод не имеет всех достоинств оригинала относительно наружной отделки. Мы с удовольствием извещаем читателей, что имеем дозволение украсить наш журнал и другими из этого ряда писем¹¹.

Из комментария Надеждина понятно, что он намеревался продолжать публикацию переводов чаадаевских сочинений: вслед за первым письмом в печати должны были появиться третья и четвертая статьи цикла.

IV

Едва ли здесь имеет смысл в очередной раз пересказывать основные положения чаадаевской концепции или цитировать обширные фрагменты первого «Философического

письма»: в научной и научно-популярной литературе это делалось неоднократно. Гораздо интереснее, на наш взгляд, посмотреть на три из восьми «Философических писем» как на своего рода микроцикл, т.е. попытаться поставить себя на место читателя «Телескопа», который мог бы прочитать первое, третье и четвертое письма, если бы журнал не был запрещен. Изложенная в них программа покоилась на пяти основаниях — социальном, историческом, религиозном, политическом и научном¹². Общий контур чаадаевской мысли можно очертить следующим образом:

а) первое «Философическое письмо» открывалось констатацией фундаментальных недостатков «внешних условий существования» адресата — светской дамы, — которые препятствовали ей вести подлинно религиозную жизнь. И в оригинале, и в переводе 1836 г. эта мысль дана скорее эскизно. В переводе о причинах «возмущения в мыслях» корреспондентки Чаадаева сказано: «Это естественное следствие настоящего порядка вещей, которому покорены все сердца, все умы. Вы уступили только влиянию причин, движущих всеми, начиная с самых высших членов общества до самых низших»¹³. Во французском тексте проблемы современного Чаадаеву *социального уклада* раскрывались с помощью риторически сильной отсылки к крепостному праву, опущенной в публикации «Телескопа» по цензурным соображениям¹⁴. Присутствие в жизни дворян самого настоящего рабства, неприемлемого для истинного христианина, затрудняло поддержание внутренней религиозной дисциплины;

б) Чаадаев дал социальному феномену *историческое истолкование*, объяснив его общей потерянностью соотечественников, обусловленной оторванностью России от Европы¹⁵. Он рассматривал нации как нравственные существа, которые, подобно личностям, находились друг с другом в неразрывной связи. Русский народ, не имея прошлого и ничего не создав, не внес оригинального вклада во всемирную историю человечества. Более того, он оказался не способен воспринять достижения западной цивилизации. России божественное Провидение отвело двусмысленную роль — дать «великий урок» остальным нациям, смысл

которого в первом «Философическом письме» оставался до конца непроясненным. То ли речь шла о том, каких ошибок следовало избегать, то ли, напротив, утверждалось, что России, в силу ее негативной исключительности, назначено уникальное будущее. Читатели «Телескопа» были знакомы лишь с первым «Философическим письмом», а в этом отдельно взятом тексте проевропейские симпатии автора сочетались с его крайним пессимизмом в отношении русской исторической судьбы;

в) дистанция между Россией и Европой, по мнению Чаадаева, возникла в силу *религиозного фактора* — из-за схизмы IX в., когда по вине патриарха Фотия прежде единое христианство разделилось на западную и восточную ветви. Русские, воспринявшие православие из «растленной» Византии, навсегда утратили связь с источником подлинной религиозности. Чаадаев считал католицизм единственным преемником первоначальной церкви, воплощавшим почти двухтысячелетнюю историю христианства;

г) *политический аргумент* Чаадаева фиксировал драматичный разрыв между просвещенной монархией и нацией, равнодушной к реформистским инициативам своих правителей. По-настоящему прогрессивной и «европейской» инстанцией в России оставалась лишь императорская власть. Русские цари (Петр I и Александр I) были достойны сочувствия по двум причинам: во-первых, народ не понимал их стремления соединить исторические судьбы России и Европы, во-вторых, власти императоров оказывалось недостаточно, чтобы заставить подданных следовать их примеру;

д) *научная концепция* законов, управлявших жизнью людей, наций и всего человечества, сводилась Чаадаевым (уже в третьем и четвертом «Философических письмах») к тезису о покорности человека воле высших сил. Он считал, что мир духовный можно познать так же, как и мир физический. В физической сфере действовали две силы — «всемирное тяготение» (которое следовало постигать с помощью экспериментов) и «изначальный (божественный) импульс» (то, что необходимо вывести логически как трансцендентальный источник всеобщего движения). В моральном мире

эти две силы соответствовали свободе воли и подчиненности нравственным установлениям, источник которых лежал вне сознания индивида. Главным поведенческим свойством людей, по мнению Чаадаева, служило их стремление к повиновению: человек ощущал потребность подчиняться тому, что от него не зависит. Чаадаев доказывал, что истинное понятие свободы укоренено в добровольном принятии установленной Промыслом необходимости, проецируя этот тезис и в плоскость взаимоотношений подданных и суверена. В этой точке научная, религиозная и политическая стороны чаадаевской концепции сходились.

В итоге Надеждину не удалось реализовать свой план и опубликовать переводы трех «Философических писем»: религиозная интерпретация науки и политики так и осталась неизвестной читателям «Телескопа». На первый план вышли конфессиональная и историческая линии рассуждений Чаадаева, связанные с сомнениями в состоятельности национального прошлого и с радикальной критикой православия и народности, возмущившей многих свидетелей истории 1836 г.

V

Первоначально чаадаевская статья вызвала резонанс в Москве¹⁶, но очень быстро скандал дошел и до Петербурга. Столичная аудитория смотрела на публикацию в издании Надеждина уже через призму императорского вердикта: 22 октября 1836 г. по личному распоряжению Николая I выпуск журнала был немедленно прекращен, Надеждин и Болдырев вызваны в Петербург для разбирательства, а Чаадаев объявлен умалишенным. По воле монарха была создана специальная комиссия, которой надлежало подробнее рассмотреть дело. Она состояла из начальника III Отделения А.Х. Бенкендорфа, управляющего делами III Отделения А.Н. Мордвинова, министра народного просвещения С.С. Уварова и обер-прокурора Святейшего синода Н.А. Протасова. Следствие признало Надеждина и Болдырева виновными. Первого отправили в ссылку

в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), второго уволили со всех университетских должностей, лишив причитавшейся по выслуге лет пенсии. Диагноз о сумасшествии Чаадаева был еще раз официально подтвержден.

Причастность Кетчера к переводу первого «Философического письма» никем в 1836 г. всерьез не рассматривалась. Норова слегка пожурили, и никаких последствий благодаря вмешательству его брата, чиновника и литератора Авраама Норова, дело для него не имело¹⁷. В квартире сотрудника Надеждина по «Телескопу» критика Виссариона Белинского провели обыск, однако у него ничего не нашли. 15 ноября 1836 г. Белинский вернулся в Москву из имения Бакуниных Прямухино и был задержан при въезде в город. Впрочем, за отсутствием доказательств его связи с публикацией первого «Философического письма» он в тот же день был отпущен на свободу¹⁸. Владельца типографии Николая Селивановского подозревали только в том, что он выпустил 15-й номер «Телескопа» без надлежащего цензурского билета¹⁹. Селивановский отделался легким испугом: он указал, что действительно напечатал журнал без билета вследствие письменного разрешения Болдырева. Не будучи вполне законным, такой порядок дел являлся общепринятым и позволял быстрее выпускать периодические издания в свет. Чиновники отметили правовое несоответствие, однако преследовать Селивановского не стали, возложив ответственность за промах на уже наказанного к тому времени Болдырева. Наконец 17 декабря 1836 г. Московское губернское правление по просьбе мужа освидетельствовало умственные способности Е.Д. Пановой и затем поместило ее в отделение для душевнобольных Преображенской больницы, где за ее состоянием следил известный специалист по лечению умалишенных В.Ф. Саблер.

Остается добавить, что публикация первого «Философического письма» и последующий скандал по сути лишь укрепили сложившуюся прежде репутацию Чаадаева как исключительной личности. Осенью 1837 г. с него был снят медицинский надзор. Менее других пострадавший при разбирательстве и даже приобретший «мученическую» славу

и симпатию собственных оппонентов, Чаадаев окончательно превратился в одну из главных московских достопримечательностей — «басманного философа», «чья биография без остатка исчерпывается его размышлениями, пророческими прозрениями, диалогами»²⁰. В 1840–1850-х гг., оставаясь одной из центральных фигур московского интеллектуального пантеона, он активно участвовал в салонных спорах западников и славянофилов, продолжавших развивать две противоположные линии мысли, заданные в его собственных сочинениях.

VI

Каждая глава настоящей книги представляет собой опыт контекстуализации событий 1836 г., последовательно рассмотренных в разных, но взаимодополняющих теоретических перспективах. Главы объединены в две части, посвященные анализу, во-первых, риторики и аргументации наиболее известного произведения Чаадаева — первого «Философического письма» и, во-вторых, исторических обстоятельств, благодаря которым стал возможен императорский вердикт о его «сумасшествии».

В *первой главе* нас будет интересовать вопрос о том, как изменилось значение первого «Философического письма» за время, отделявшее момент его создания (1829) от момента выхода текста из печати (1836). Наша цель во *второй главе* — прояснить, что произошло с чаадаевской статьей, когда, предназначенная для публикации во Франции, она в итоге увидела свет в России, в принципиально ином политико-философском и политико-лингвистическом контексте. Предмет исследования в *третьей главе*, во многом служащей продолжением второй, — соотношение языка и отдельных тезисов первого «Философического письма» с политической программой официальной теории имперского национализма. *Четвертая глава* посвящена интерпретации институциональных и дискурсивных особенностей публичной политической сферы 1830-х гг. и роли, которую опубликованный в «Телескопе» текст сыграл в ее

эволюции. В *пятой главе* мы попытаемся объяснить, чем могло быть мотивировано странное на первый взгляд желание Чаадаева и Надеждина привнести в идеологическую повестку 1836 г. католический сюжет.

Шестая глава, вынесенная в отдельный подраздел, включает в себе анализ социальных стратегий Чаадаева и Надеждина. Мы стремимся истолковать причины сотрудничества этих двоих очень непохожих друг на друга людей (по происхождению, интеллектуальным предпочтениям и положению в профессиональной сфере), которые тем не менее затеяли и реализовали совместный идеологический проект колоссальной значимости для русской политической культуры.

В открывающей вторую часть *седьмой главе* речь пойдет о природе придворной и административной логики, согласно которой был утвержден официальный вердикт по чаадаевскому делу. В *восьмой главе* мы постараемся интерпретировать практику правоприменения в России в связи с императорским решением объявить Чаадаева умалишенным и реакцией автора «Философических писем» на царское распоряжение. *Девятая глава* посвящена реконструкции истории бюрократической борьбы внутри группы приближенных Николая I, в эпицентре которой неожиданно оказался чаадаевский текст. *Десятая глава* интерпретирует итоги процесса над фигурантами «телескопического» дела с точки зрения устройства неопатриархальной власти. Наконец *одиннадцатая глава* книги, составляющая ее постскрипtum, уведет разговор совсем в иную плоскость — биографической и личной подоплеку профессионального самоубийства Надеждина, каковым, безусловно, являлась публикация столь взрывоопасного текста, как первое «Философическое письмо».

* * *

В работе над книгой я пользовался помощью многих коллег. На протяжении долгого времени я имел уникальную возможность обсуждать мои идеи и архивные находки

с А.Л. Осповатом, одним из лучших знатоков русской интеллектуальной истории XIX в., чьи работы о Чаадаеве (собственные и в соавторстве с В.А. Мильчиной) служили мне образцом. Без поддержки А.Л. Осповата в период подготовки монографии к печати я едва ли смог бы довести дело до конца. Я также признателен Т.М. Атнашеву, моему соавтору и постоянному собеседнику, интенсивные дискуссии с которым позволили мне лучше интерпретировать материал и поставить новые исследовательские вопросы. Книга не состоялась бы без пронизательных советов и помощи научного редактора — А.Р. Курилкина, чьему скептическому, но неизменному интересу к моим разысканиям я очень многим обязан.

Я благодарен А.В. Вдовину, М.Д. Долбилову, Е.Э. Ляминой, В.А. Мильчиной и А.Л. Осповату за строгий, но доброжелательный разговор об отдельных главах монографии и ценные замечания. В размышлениях над чаадаевским сюжетом я старался следовать методологическим принципам А.Л. Зорина, почерпнутым из его книг и наших с ним разговоров, в частности необходимости совмещать проработанность историко-литературного материала с глубиной его теоретического осмысления. Я признателен С.Э. Зуеву и Московской высшей школе социальных и экономических наук, на базе которой последние шесть лет работал семинар по интеллектуальной истории под руководством А.Л. Зорина, соведущими которого были мы с Т.М. Атнашевым. Замечательные доклады коллег побуждали меня пересматривать собственные выводы, которые я опрометчиво считал окончательными. Кроме того, в работе над книгой мне очень помогли дискуссии на научно-исследовательском семинаре по русской интеллектуальной истории XIX в., который в течение нескольких лет мы с Е.Э. Ляминой вели на филологической программе Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики.

Моя особая признательность — директору издательства «Новое литературное обозрение» И.Д. Прохоровой, согласившейся напечатать монографию и выразившей неизменный и лестный интерес к моим исследованиям. Я благодарю

редактора книги М.В. Трунина за внимательное и аккуратное чтение рукописи, М.А. Петяскину — за помощь в поиске архивных документов, М.А. Петровских — за составление именного указателя, а также друзей и коллег, на протяжении многих лет делившихся со мной соображениями по поводу моих научных сюжетов, — Д.П. Бака, А.Ю. Балакина, И.И. Бендерского, Р. Бодена, А.С. Бодрову, И.Г. Венявкина, Т.Т. Гузаирова, Ф.В. Дзядко, А.Н. Дмитриева, А.Г. Евстратова, Д.А. Иванова, Д.Я. Калугина, Г. Карпи, С.Л. Козлова, А.В. Корчинского, Е.С. Корчмину, М.А. Котову, М.Б. Лавринович, О.А. Лекманова, М.Л. Майофис, Н.В. Назарову, М.С. Неклюдову, Н. Найта, К.А. Осповата, Д. Ребеккини, Г.М. Утгофа, Д.М. Хитрову. Last but not least, без постоянной поддержки и терпения членов моей семьи (прежде всего моей жены Марии Морозовой) монография не была бы закончена. Разумеется, все ошибки остаются исключительно на совести автора.

Идея книги о чаадаевском деле возникла очень давно. Одним из первых меня, тогда еще аспиранта, поддержал Е.В. Пермьяков. Мой первый доклад о публикации «Философического письма», благосклонная реакция коллег на который убедила меня в необходимости дальнейших исследований, был сделан на Тыняновских чтениях в Резекне (2006), организованных М.О. Чудаковой. Светлой памяти Евгения Владимировича и Мариэтты Омаровны я хотел бы посвятить мою книгу.

*Михаил Велижев, профессор факультета
гуманитарных наук НИУ ВШЭ
Москва, ноябрь 2021 г.*